

Петрович выбрался из трамвая на конечной остановке и закрутил головой в поисках знакомых, никого не приметив, махнул рукой и неторопливо пошел вдоль длинного заводского забора. С одной стороны высоченный забор, за которым мрачные цеха, откуда постоянно доносился шум и грохот, а напротив забора, через дорогу начинаются дачные участки. Здесь, возле проходной, их в основном получило заводское начальство. Все под рукой: работа, гаражи и дачи. Правда, между ними затесались и простые работяги. Этих сразу отличишь по заборам. У начальства-то металлические, высокие или из кирпича выложенные, а поверх колючая проволока натянута, чтобы никто не залез, а рабочие строили из всего, что под руки попадало. У одних из штакетника, у других из разнокалиберных досок, а вот Иван Елисеевич умудрился сделать из старых дверей. Да-да... И где достал столько дверей, никому не говорит. Даже небольшую будочку из них смастерил, а потом обшил рейкой, и получился довольно-таки симпатичный домик. Но больше всех удивил Кузьмич, который работал столяром или плотником — Петрович не помнил. Этот Кузьмич построил будку из обрезков древесины. Выписал двадцать или тридцать кубометров отходов,

напилил их, как кирпичи, все под один размер и выстроил будку, а остальной хлам к баньке перетаскал. Безотходное производство, так сказать. Все посмеивались, когда начинал строить. А когда отгрохал свое строение да резные ставенки приладил, да крылечко резное, с других улиц на его теремок приходили полюбоваться. Особенно женщины любопытствовали. Охали, ахали и потом своему мужику экскурсию устраивали и плешь проедали, чтобы такой же теремочек поставил, а может, и получше. Кузьмич же сидел на крылечке и посмеивался, думая при этом, что бы еще этакое смастерить. Правильно говорят, что голь на выдумки хитра...

— Петрович, меня подожди,— донесся голос, и тот, оглянувшись, увидел, как по дороге, торопливо перебирая коротковатыми ногами, шагает мужичок с рюкзаком на плечах.— Здорово! С прошлого года не виделись.

— А, Володька, здорово, коль не шутишь,— приостановился Петрович.— Давно сезон открыл?

— Сегодня впервые пошел, а что? — догнал мужичок и сунул ладошку, здороваясь.— А ты когда открыл?

— Я уж раза три или четыре был,— нахмутив густые бровищи, сказал Петрович.— Еще по снегу приходил. Кое-как пролез. По крышу замело, заборов не было видно. В емкость снегу набросал, бочки набил...

— А правду говорят, что опять по огородам лазили? — быстро перебирая коротковатыми ногами, сказал мужичок.— Егоровну встретил на прошлой неделе, она сказала, будто Мамай по участкам прошел. Все подчистую выгребли. Сволочи! — и заматюгался.

— Да, Вовка, почистили наши огороды,— завздыхал Петрович.— Каждый год налеты делают, а милиция ворон ловит. Под носом дачи, а они сидят и будто не видят, что здесь чужие машины мотаются. Все видят, но палец о палец не ударят, чтобы выйти и остановить. Ну, ты приподними задницу-то, шагни за порог, останови машину, в кузов загляни и спроси, откуда вещички-то? И все, можно брать под белы ручки и в тюрьму его. Так нет, сидят и не шелохнутся, потому что им лишняя головная боль не нужна. Зато, как недавно говорили, случайно поймали какого-то алкашонка или бомжа, на него повесили все кражи и отправили в тюрьму. Наверное, бомж до сих пор радуется, что туда попал. Не надо башку ломать, где взять жратву: в тюрьме и накормят, и напоят, и спать уложат. Для него зона — это дом отдыха, по-другому не назовешь.

— Ага, твоя правда, что ворон считают,— вскинулся Володька и подпрыгнул, поправляя тяжелый рюкзак.— Зато охрана умеет дачи начальников караулить. Близо не подпустят, сразу подмогу вызывают и за оружие хватаются, а на простых работяг им наплевать. Работнич-

ки, м..ь вашу так, так и еще разэтак! — и длинно, витиевато снова заматерился.

— Татьяна, привет! — приостановившись, Петрович громко крикнул женщине, которая граблями собирала мусор на участке.— Готовишься к посевной?

— А, ребятки, здрасьте! — она разогнулась, держась за поясницу, и вытерла тыльной стороной ладони лоб.— Да, нужно убраться. Осенью, перед снегом прибралась, а сейчас пришла и будто ничего не делала. Весь участок в мусоре. Откуда принесло, не понимаю. Земле нужно кланяться, тогда урожай будет. Слышь, Петрович, нашего председателя не видел?

— А зачем тебе? — спросил Петрович.— Что случилось?

— Да узнать, когда воду станет давать,— опершись о черенок, сказала женщина.— А то получится, как в позапрошлый год. Высадили, а поливать нечем. У многих половина урожая пропала. Да еще труба прохудилась. Пусть сварщика пришлет, чтобы заварил, а то всех соседей затоплю.

— Нет, Алешку не встречал,— покачал головой Петрович.— Наверное, работает. Может, к вечеру появится. Ты поглядывай. Скажи, пусть к нам заглянет.

И неторопливо пошел по разбитой дороге.

— Ладно, скажу,— крикнула вслед женщина и опять склонилась, работая граблями.

Петрович остановился. Прислушиваясь, закрутил головой. Стал внимательно всматриваться в яблоньки, а потом ткнул пальцем.

— Слышь, Володь, как птички заливаются? — он стоял, улыбаясь.— Весна пришла. Радуются. Я несколько скворечников повесил. Наверное, скворушки заняли. А воробьишки так и прыгают, так и прыгают...

Мужичок тоже остановился. Долго стоял, также прислушиваясь, потом махнул рукой:

— Скажешь тоже — птички,— он засмеялся.— Это же воробьи! А воробей, как известно, не птица...

— Дурак, это курица не птица, как говорят,— заворчал Петрович.— Воробей — это самая главная из птиц, которая — я уже не первый год подкармливаю их и заметил — не станет в одиночестве кушать, а всегда позовет свою семью. Хоть крошку хлеба найдет или пригоршню семечек. Все делят на всех. Людям нужно поучиться у них, как должен жить человек. А мы привыкли, что каждый за себя и для себя, и все на этом, а они последней крошкой делятся. А ты — воробей не птица... Дурак набитый!

И постукал скрюченным пальцем по Володькиной голове.

— Сам дурак, — буркнул мужичок и, подпрыгнув, опять поправил тяжелый рюкзак. — Воробьи наглые. Помню, в детстве всегда били их из рогаток. Еще спорили, кто больше других собьет за день.

— Точно — дурак, да еще какой, — буркнул Петрович и, не удержавшись, шлепнул Володьку по затылку. — Вон, я где-то читал, что в Китае какой-то умник, наподобие тебя, решил вывести всех воробьев. Будто они весь урожай истребляют. Вывели... И что? Урожай сожрали всякие мошки-блошки-козявки-букашки. Китайцы чуть с голоду не перемерли. Ага, исхудали, кожа да кости остались... И тогда, чтобы спасти урожай и истребить насекомых, им пришлось покупать воробьев в других странах. Представь, сколько пришлось вкладывать труда и денег, чтобы уничтожить птиц, а еще больше потратили, когда закупали и опять разводили. Вот и получается, что воробей — это самая главная и ценная птица на планете. А ты — рогатка! Руки бы обломать вам, когда стреляли, а рогатку сунуть в одно место, чтобы присесть не могли...

Они шли по дороге, переругиваясь. Иногда останавливались, отдыхали, потом снова шагали по краю разбитой дороги. Оборачиваясь, Петрович видел, как изредка по дороге мелькали такие же дачники, как они. Правда, были и такие, кто мчался на машинах. Ехали одни, никого с собой не брали. Не останавливались, когда встречались старушки или старики. Проезжали, словно не замечали. А другие, наоборот, сами притормаживали, звали подвезти, и тогда дачники садились в машину и облегченно вздыхали — все не пешком в гору подниматься.

Добравшись до поворота, Петрович опять устроил перекур. Стоял, поглядывая на высокий забор, а через дорогу чернело поле. Огромное. Вдали темнела лесополоса, а еще подальше тонкой ниткой тянулась дорога и исчезала за горизонтом. Вздохнув, он посмотрел на подъем. С каждым годом все тяжелее и тяжелее добираться до огорода. А раньше бывало...

— Володька, помнишь, как участки получили? — сказал он и кивнул на едва заметные сады на склоне горы. — Ух, как мы радовались!

— Ага, — закивал головой мужичок. — Я несколько лет простоял в очереди.

— А я тоже стоял, потом смотрю, многие, кто после меня был, уже получили, а я все жду, — задумавшись, сказал Петрович. — Пошел к начальству. Говорю, что за ерунда? Другие получили, а я с места не сдвинулся. В общем, сильно поругался. Даже матюги пускал. А после обеда подходит ко мне наш профсоюз и сует бумажку, где был написан номер участка. Не поверишь, чуть не запласал. Жене сказал. Помчались смотреть. Кое-как нашли. Стоим посредине участка и радуемся — наша земля, наша! Глядим — там знакомые и вон там стоят, и тут уже костер развели и чайник поставили, а эти бросили куртку на

землю, уселись и пускают стакан по кругу — землю обмывают, чтобы на ней все росло-плодоносило. Считаю, многие с завода получили. И почти все знакомые. Так и начали потихонечку строиться и обживаться...

— Да, что ни говори, а раньше было лучше, чем сейчас, — вздохнул Володька. — Люди другими были, проще, что ли... Мы снаружи поставили забор, а внутри не стали размечать. Посадили смородину и все — это весь забор между соседями. Они зайдут к нам, мы заглянем. Посидим, поболтаем. Бывало, пузырек раздавим на праздник. А вот наши нижние соседи быстро построились. Кирпич навезли, плиты. Домик поставили. Потом баньку сделали. И каждый выходной парились. Да еще гости приезжали. Мы между грядок ползаем, каждый сорнячок выдираем, а они напарятся, потом устроят застолье, глядишь, к вечеру все на бровях ползают, и бабы — тоже. О, жизнь! Для кого-то участок — средство для выживания, для поддержки штанов, а для других, чтобы на природе отдохнуть да водки нажраться...

И правда, кто-то приезжал, чтобы отдохнуть на даче, а многие добивались, чтобы весь сезон пропахать на участке, тогда зимой будут соленья-варенья на столе, а это очень хорошее подспорье как к зарплате, так и к пенсии. А были такие, кто на продаже наделов зарабатывал деньги. Они умудрялись достать сразу несколько участков. Ставили жиденькие реденькие заборы, туалеты, похожие на скворечники, а потом продавали почти готовую дачу, как они называли. И в те времена люди покупали! Потому что не хватало этих садов-огородов, и желающие всегда находились... А теперь на рынке не купишься, там втридорога дерут. Зарплаты такие, что плакать хочется, а уж про пенсии и говорить нечего. Чтобы чинушам до конца дней своих жить на такие деньги. Сволочи! Вот старикам и приходится выживать, копясь на своих грядках, а без садов и огородов давно бы повымирили. Не у всех же есть дети, кто может помочь...

Петрович взглянул на склон горы. Ужас, сколько участков побросали! А почему? Да потому что некому стало работать на них. Раньше, когда он был моложе, многие ездили с детьми. Сами работали на земле, а ребятки в песке возились или по проулкам бегали, все в прятки да в войнушку играли. Но подрастая, детям скучно стало возиться на участках, да и времени не было. Школа, уроки, да еще с друзьями нужно встретиться и куда-нибудь сходить. В общем, молодежь слишком занята, чтобы тратить время на дачу. Это родителям нечего делать, вот они и возятся в земле... Петрович вздохнул, приложил ладонь и взглянул вдаль. Вон виднеется здоровенный особняк за забором. Не дом, а картинка. На участке все, что душе угодно. Почти каждый вечер оттуда шум и гам доносились. Вереница машин стояла, гости туда-сюда сновали, а потом хозяина не стало и дача никому не нужна. Жена не работала. Все на травке отдыхала или за столиком в беседке сидела,

чай да кофе распивала, а дети и раньше-то не приезжали, а теперь тем более не станут. Вот и стояла дача, никому не нужная. И никто не покупал — дорого. А весной добрался по сугробам, глядь, с особняка все железо воры поснимали. Теперь вообще никто не купит.

А вот там, неподалеку от водокачки, много лет пустует недостроенная дача. Мужик надрывался, хоромы намеревался поставить, чуть ли не на половину участка. Для детей старался. Говорил, поставит родовое гнездо и отдаст ребятам. Ага, поставил... Мужика прямо на участке парализовало. В больнице помер. И оказалось, что его родовое гнездо никому не нужно. Зачем на земле пахать, когда все овощи и фрукты можно купить на рынке. Вот молодежь и отказывается от всего, что им родители готовили, жилы рвали, надрывались. Плевали они...

— Володька, зараза такая, когда мою лопату отдашь? — донесся резкий протяжный голос.— Как взял по осени на минуточку, так до сей поры не отдаешь,— и ехидно так: — Видать, лопатка привыкла к новому хозяину, да, Вовка?

— Да отдам я, отдам,— заворчал Володька, то и дело поправляя рюкзак.— Забыл. Ей-богу! Осенью приткнул в уголок за дверь, будку закрыл и уехал. Если бы ты, дед Митрич, не напомнил, я бы даже не вспомнил.

— Вот и давай таким оглоедам,— из-за забора выглянул старик в фуражке, в старой телогрейке и вытер вспотевшее лицо.— Здорово, Петрович! Говорят, по вашей улице жулики прошлись. Много забрали?

И с любопытством уставился на Петровича.

— Как сказать, дед Трофим...— Петрович поставил сумку на землю.— И украли много, а напакостили еще больше. У нас почти каждый год воруют. Сволочи, знают, что никто не станет искать, вот и пользуются этим. Я взял и вкопал емкость и бочки в землю. Глубоко опустили, чтобы не выдернули. Они же что стали делать... За машину цепляют и выворачивают, а потом грузят, и поминай, как звали. В будку залезли. Ничего не нашли. Взяли, все поразбросали, стекла повыбивали и рамы сломали, хотя сами в дверь зашли. Я же на зиму не стал закрывать будку. Пусть заходят. Все ценное давно вывез оттуда. А они, сволочи, если ничего нет, значит, напакостим... Эх, люди — людишки, сволочи — воришки!

И махнул рукой.

— А вот у Ермохиных, что через проулок,— старик кивнул показывая.— Ты знаешь их, Петрович. Сколько дачу держат, столько лет и строят. А сейчас, как на пенсию вышли, так и живут участком. Вот к ним залезли. Вывезли все, что можно было. Даже столбы украли. Как? Да очень просто! Видать, заранее присмотрели. Воду залили в трубы и оставили. Земля стала мягкая. Ночью подъехали, зацепили и выдерну-

ли. Один штaketник валяется. А у стариков ни детей, ни родственников. Где они возьмут деньги, чтобы новый забор поставить? Скорее всего, воры знали, что здесь старики обитают. И у них украли. Гады последние! Как только этих тварей земля держит...

И старик принялся материться: сильно, громко и обиженно.

— Ладно, у нас только металл воруют,— Володька закурил и махнул рукой.— А вот у моего брата дача на берегу речки. Да какая дача — одно название. Клочок земли, будочка в углу, и все на этом. Так у них не только металл крадут. Как весна наступает, туда, на берег речки, бомжи перебираются и почти каждый день рыбаки бывают. Не успеют посадить, не успеет проклюнуться, а эти шакалы уже лезут на участок. Выдирают все, что можно сожрать или продать.

— А мне жена рассказывала,— к ним подошел еще один дачник: в подвернутых штанах, в рубашке нараспашку и женской шляпе с веселеньким бантиком на боку.— Говорит, у них на работе мужик есть. Осенью собрался картошку копать. Приезжает. Глядь издалека, кто-то на участке мелькает. Подходит, а там несколько здоровенных парней картошку выкапывают. Он испугался. Если скажет, что хозяин, могут голову оторвать, тут же закопают, и никто не найдет. Он постоял, посмотрел, а потом сказал, мол, мужики, а мне можно с вами покопать? Чутьочку для себя набрать, а? Они смеются. Говорят, заходи, все равно чужое. Вот сколько мужик успел выкопать — это для него оставили, а остальное загрузили в машину и увезли. Вот и сажай для чужих...

— Не говори, сосед... Все они: сволочи, гады, твари последние, потому что последние крохи у людей забирают,— сказал дед Трофим.— Я говорю сыну, давай капкан поставим, враз отучим лазить, а он отвечает, не дай Бог, если вор попадет в капкан, сразу тебя посадят. Лет пять дадут за посягательство на жизнь и отправят кедры окучивать в тайгу, вот так прямо и сказал. А какое покушение, если я свое защитить хочу? Да уж, законы...

И старик задумался, навалившись на забор и поглядывая на соседей.

— Вот оно — наше правосудие,— вздернув брови, сказал Володька.— Вора поймаешь в капкан, за это срок наматывают. Что же получается, братцы? Получается, что у воров полная свобода действий, так сказать. Тащи все подряд. И тащат! Машинами воруют, а их словно не замечают. Странно...

— Правильно говоришь, Вовка, но самое интересное, если разложить по полочкам, что приезжают воровать не бомжи, а люди с машинами,— кивнув, сказал Петрович.— Люди, которые уже все просчитали на много шагов вперед. Вот так! Они мотаются, все высматривают и высчитывают, а может, им говорят, когда и куда нужно награться, и потом, в один прекрасный день приезжают на машинах да еще кран с собой тащат. А вы подумайте, как они огромную емкость могут погру-

зить на машину. Ее вдесятером с места не сдвинешь — пупок надорвешь, а они грузят. Это можно только краном поднять, никак иначе. И считайте, сколько техники привлекается для воровства. Машины, на которых воры приезжают, машины, на которые грузят, и еще кран. И воруют не с одного участка, а сразу несколько улиц грабят. Спокойно воруют, не боятся, что поймают. А почему не боятся? Сами думайте... А потом еще металл сдать нужно. Тоже подумайте, как они груженные всяким железом проезжают по дорогам, а потом сдают в пунктах приема, где сразу же видно, что это ворованное, но никто не интересуется, где взяли. И сами приемщики не боятся, когда берут украденный металл. Кто объяснит, почему так происходит? Ага, молчите! Вот и я не могу найти ответ на этот, казалось бы, легкий вопрос. Хотя, если поглубже копнуть, есть догадки, есть...

Петрович поморщился, махнул рукой, поднял сумку и стал подниматься в гору. Володька подхватил рюкзак и засеменял за ним, стараясь догнать.

— Слышь, Петрович,— крикнул Володька.— Что хочу спросить... А что ты свою дачу не бросаешь, а? Говоришь, что воруют, а самого не выгонишь с дачи. Ты глянь, сколько участков пустует. Умные люди давно на диванах лежат и в потолок плюют, а ты каждый год мотаешься, с утра и до ночи пашешь на участке, а урожаем с гулькин нос собираешь, потому что все или почти все украли. Глянь, сколько побросали...

И Вовка ткнул пальцем, показывая на склон горы.

По склону горы, там и сям, были видны заросшие квадраты... Даже не квадраты, а словно неведомая болезнь расплзалась по дачкам. Где люди ухаживали, там участки чистенькие видны, а на остальные взглянуть страшно. Хозяин оставляет участок и земля начинает умирать... Нет, не сама земля умирает, а участок заполняют сорняки, кустарник разрастается, яблоньки дичают и все оплетает вьюнок, словно паутиной... Пройдет несколько лет и вместо дачного участка появляется зеленое пятно. И таких пятен становится все больше и больше. Точно неизвестная болезнь захватывает землю, вытесняя оттуда людей, а может, наоборот — это не хвороба, а природа возвращается, залечивая раны, что люди нанесли. И многие люди не в силах бороться с ней и с теми бедами, что сваливаются на них, не выдерживают трудностей и отступают. И бросают свои дачи. А потом появляются бомжи, которые уносят все, что можно продать, которые будут собирать урожаи и тащить на рынки, к магазинам и отдавать за копейки. А когда уже нечего будет собирать, бомжи и воры забросят участки и переберутся на другие, где еще можно пожить, а оставленные наделы начнут умирать, покрываясь сплошным ковром сорняков. Крапива и репейник заполняют, всю землю захватывают. Может, когда-нибудь весь склон покроется зеленым ковром. Значит, дачники проиг-

рали. И непонятно, кому проиграли: ворам, бомжам или природе. Скорее всего, что ворам и бомжам, а природа просто лечит свои раны. Все может быть...

— Говоришь, почему не бросаю...— задумавшись, сказал Петрович.— Знаешь, Вовка, скучно дома сидеть. Много раз хотел бросить все к едрене фене, даже манатки собирал, а потом зиму посижу, подумаю и опять тащусь на дачу.

— А я сразу брошу, как на пенсию пойду,— подпрыгнув, поправляя рюкзак, скороговоркой сказал Володька и провел ладонью по горлу.— Вот так осточертело! Глаза бы не смотрели на эту дачу. Правда! На работе вымотаешься, на участок придешь, к вечеру так ухайдакаешься, что не знаешь, дойдешь до дома или где-нить свалишься. Пашешь, пашешь, как папа Карло, а воры придут, урожай соберут и оставят тебя с носом. Вот и получается, что выращиваем для дяди чужого, а не для себя. А ты, Петрович, подсчитай, сколько денег тратим на всякие семена, на воду и землю, а сколько на дорогу улетает — это ужас! Знаешь, лучше лежать на диване и в потолок поплевывать, а захочу огурчики или помидорчики, на рынке куплю, все дешевле, чем самому выращивать. От пуза нажрись и опять на диван завалюсь. Эх, красотища!

И снова подпрыгнул, поправляя рюкзак.

— Дурак ты, Вовка,— буркнул Петрович, покосившись на невзрачного мужичка.— Дело не в том, что работаешь до упада, не в том, что половину урожая своруют или калитку с бочками утащат. Понимаешь, Володь, на диване ты быстро загнешься. Да... Долго не протянешь — это факт. А здесь тебе и разминка, и свежий воздух, и овощи свеженькие, прямо с грядки, и смородинка поспевает, и яблочки наливаются, но главное — это тишина, которая заставляет думать, размышлять о жизни, а глянь, какая природа вокруг, птички поют, вон прислушайся, как заливаются, а какое общение с соседями и знакомыми, а если еще при этом по полосочке опрокинуть... Вообще, красотища!

И Петрович, покачивая головой, причмокнул.

— Красиво говоришь, а вот по полосочке хлопнуть — это хорошо, но где взять? — не удержался, тоже причмокнул Володька и оглянулся.— Я бы сейчас не отказался начало сезона отметить. Полный рюкзак тащу, все положил, а пузырек забыл сунуть. Придется на сухую...

— Вот видишь, я прав оказался, что пора сезон открывать,— сказал Петрович и похлопал по карману.— Нет, что говоришь-то... Не сезон, чтобы пьянствовать, а дачный сезон откроем, чтобы все у нас росло, цвело и пахло, а осенью урожай соберем, дай Бог, целехонький. Да, так и должно быть, как сказал... Ладно, Вовка, угощу тебя, горемычного,— он хохотнул.— Пошли, Володь, у меня посидим. По рюмашке опрокинем, по душам потолкуем. Глядишь, кто-нибудь еще на огонек заглянет. Все веселее будет. За жизнь поговорим. Считай, с осени не

виделись. Много воды утекло, когда последний раз встречались. Поговорим, а потом примемся за работу. Заждалась землица, истосковалась. И мы соскучились. Да вот... И будем до тех пор ходить на участок, покуда нас вперед ногами не вынесут с него. А вон, глянь, Николай Матвеич с нашими мужичками идет,— и крикнул:— Эй, Матвеич, зайди ко мне! И ребят прихвати. Да посидим, за жизнь покалякаем, обо всем посоветуемся, а потом за работу возьмемся. Соскучились за зиму. А сезон закончится, дружно скажем, слава Богу, отмучились, но сами всю зиму будем сидеть и ждать, когда весна наступит. А весна придет, снова пойдем на дачу и будем радоваться, что наконец-то дожили до нового сезона. Вот так-то, Вовка! Все, добрались. Заходи в гости...

И подталкивая соседа, Петрович распахнул калитку и заторопился к будке.

Весна. Дачный сезон начинается...